

Два часа до свободы

Хочу поделиться воспоминаниями моей мамы, Татьяны Петровны Мироновой, о годах, проведенных в лагере Оснабрюк в фашистской Германии.

Маму, как и остальную молодёжь деревни, угнали на каторгу в вагонах для скота. В лагере были люди разных национальностей: русские, украинцы, молдоване, итальянцы, французы, поляки и др. Из-за худобы и чёрных кругов под глазами маму называли черноглазой «Кляйне Тонни», хотя глаза были серо-голубые. Любили за то, что она хорошо играла на гитаре и пела русские романсы. В свободное время после работ в вагонном депо, она пела для солагерников песни под шестиструнку и на эстонском языке, так как моя бабушка была эстонкой, но по отцу мама была русская. Девятнадцатилетняя Таня тогда понравилась одному французу. Они встречались после работ и прекрасно понимали друг друга, хотя она не знала французского языка. Я забыла его имя, но мама рассказывала, что он смешил её, часто изображая Гитлера. Кричал на немецком, брызгал слюной, скидывал руку, корчил рожицы, крутился на одном месте, падал на землю и прочее.

Дома в Германии были аккуратные, под окнами палисадники с кустами и цветами. Дорожки мыли швабрами, и была чистота. Как-то мама поинтересовалась у своего француза: правда ли, что во Франции едят лягушек? На беду, недалеко от них скакал маленький лягушонок, и француз сделал вид, что взял его в рот. Но только после этого мама старалась избегать с ним встречи. И всё же он украл её фотокарточку и увёз во Францию, подарив маме на память свою и подписав её огрызком карандаша.

Один раз мама шла на работы по шоссе. Ну, не шла, а плелась в деревянных башмаках-колодках, которые быстро снашивались. Но их жандарм был добрым и выписывал обувь чаще, чем это делали другие надсмотрщики. Навстречу маме ехали грузовые бортовые машины, в которых сидели немцы в касках. Один из них бросил буханку хлеба прямо под ноги маме. Она обрадовалась и подняла её. Но на некотором расстоянии за машинами следовал фашист на велосипеде. Он отнял хлеб и бросил обратно в машину. Некоторые солдаты возмутились, но им пришлось подчиниться. Всё-таки и среди немцев были добрые люди. Один раз другой велосипедист, который проезжал по шоссе мимо мамы, спрыгнул с велосипеда и, озираясь по сторонам, подбежав к ней, испуганной, сунул ей яблоко. Как она потом рассказывала, вкуснее яблок она больше и не ела!

В другой раз мама с двумя девушками шли в вагонное депо, чтобы чистить паровозы. В одной из деревень оркестр играл траурную мелодию, и стояли молоденькие солдаты, опустив головы. Знамена с чёрными лентами были приспущены. Один из юнцов вскинул автомат, и выпустил очередь прямо по девушкам. Скинув деревянные колодки, девчонки побежали босиком по острой свежескошенной траве. Пули свистели над головами, но девушки остались живы, может, благодаря другому немецкому мальчику, который отобрал у стрелявшего оружие.

Лагерь освобождали американцы. Танк протаранил ворота и влетел на территорию лагеря. Лагерное руководство уже сбежало. Немецкие солдаты отстреливались, по воздуху летали бумаги, на земле валялись документы. Заключение кинулись по дороге в город. Мама тоже побежала. На дорогу упала какая-то старушка. Маме стало жаль, и она подняла её. Несчастные бежали по улочкам, а американцы - чистые, красивые - махали им, чтобы прятались. Вместе со старушкой и другими лагерниками мама забежала в какой-то магазинчик. Бабушка то и дело падала и причитала: «От Опоцки три верстоцки и в боцок один скацок». Очевидно, она раньше жила на Псковщине. Люди хватили в магазинчике, что могли. Мама взяла в обе горсти муку. Как она мне сказала, сама не знает зачем. Голод! Немка держала два пальца перед её лицом и кричала: «Цвай ур!». Видимо, два часа до окончания войны?

После освобождения мама вернулась в свою родную деревню, там жили старенькие родители. Впоследствии она работала на фабрике имени Эрнста Тельмана в Ленинграде. Вышла замуж и подняла нас с братом.

Огненным колесом прокатилась эта война по судьбам всех советских людей. Не было семьи в России, кого бы не коснулось горе утраты близких. Погибла в блокадном Ленинграде беременная старшая сестра мамы, которая носила под сердцем двойняшек. Был расстрелян отец мамы, коммунист, первый председатель колхоза «Батецкий», основатель артели инвалидов в посёлке, солдат ещё царской России, инвалид Гражданской войны. В 70-х о нем писали в газете «Лужская правда». В статье говорилось, что командир партизанской бригады Герман благодарил лично за помощь Миронова Петра Фёдоровича. Косвенно судьба отца сказалась и на судьбе моей мамы. Кто-то из односельчан доложил в гестапо, что она дочь коммуниста. Было перехвачено письмо одноклассника мамы, который предупреждал её, что молодёжь будет угнана на каторгу. Маму жестоко допрашивали, выворачивали руки, на которых были мозоли от работы на жерновах. Свои же сельчане и предали, оговорив, что она была радисткой у партизан. Погиб и одноклассник мамы, письмо которого сельчане отдали в Гестапо. Табличку с его фамилией недалеко от болот видели партизаны, и сказали моей маме.

После освобождения маму допрашивали уже наши следователи. Всех, побывавших в немецких лагерях тщательно проверяли, потому что вместе с невинными на нашу территорию направлялась и вражеская агентура. Знаю, что маму допрашивали уже наши следователи. После войны, наш советский следователь, закончив допросы, попросил у мамы прощения: «Извините, работа такая».